

ТЕЛЕФОН ЗАЗВОНИЛ В ТРИ НОЧИ.

НЕЗНАКОМЫЙ НОМЕР, ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС:

«ПАПА, МНЕ ПЛОХО. ПОМОГИ»

У НЕГО **48 ЧАСОВ**,
ЧТОБЫ НАЙТИ ПРАВДУ.
ИЛИ ПОТЕРЯТЬ
ВСЁ, ЧТО ДОРОГО.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Никита Зон
Последний Звонок

«Автор»

2026

Зон Н.

Последний Звонок / Н. Зон — «Автор», 2026

Телефон зазвонил в три ночи. Незнакомый номер, знакомый голос: «Папа, мне плохо. Помоги». Андрей Лебедев — успешный руководитель, разведён, двое взрослых детей — поехал немедленно. Его дочь в это время крепко спала в Петербурге. А сам Андрей оказался в тёмной промзоне без телефона и с требованием: крупная сумма за трое суток, иначе — видео, которое он не хотел бы объяснять никому. Он мог заплатить. Но позвонил Вере Столяровой. Бывший следователь уголовного розыска, Вера держит небольшое частное агентство с одним правилом: не советуем платить — находим тех, кто требует. У неё 48 часов. За это время нужно найти источник утечки в окружении Лебедева, выйти на организатора схемы и остановить людей, которые зарабатывают на чужом страхе уже три года. «Последний Звонок» — психологический триллер о профессиональных манипуляторах, цифровой уязвимости и о том, как легко использовать против человека то, что он любит больше всего.

© Зон Н., 2026

© Автор, 2026

Алиана Райна, Никита Зон

Последний Звонок

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Психологический триллер
2026

ПРОЛОГ

Телефон зазвонил в три ночи.

Андрей Викторович Лебедев — пятьдесят два года, начальник отдела в строительной компании, разведён, двое взрослых детей, которые звонят по праздникам — лежал в темноте и смотрел на светящийся экран.

Незнакомый номер. Москва.

Он почти не взял трубку. Мало ли — ошиблись, реклама, пьяный чужой звонок. Но что-то заставило его нажать кнопку. Может, интуиция. Может, та тихая тревога, которая живёт в каждом родителе и не исчезает даже когда дети давно выросли.

— Папа, — сказал голос. — Папа, мне очень плохо. Я не знаю, что делать.

Голос был женский. Молодой. Испуганный. И очень похожий на голос его дочери Кати — той интонации, которую он помнил с её детства, когда она падала с велосипеда или боялась темноты.

— Катя? — сказал он, садясь на кровати, на шаривая ногами тапочки. — Что случилось? Ты где?

Пауза. Потом — тихий, сдавленный плач. Такой, когда человек пытается не плакать, но не может.

— Помоги мне, пожалуйста. Я в беде. Я не знаю, к кому ещё...

Андрей Викторович уже стоял. Уже тянулся за курткой. Уже думал, где ключи от машины.

— Говори адрес, — сказал он. — Я еду.

Он не знал тогда — и узнает только через двое суток — что его дочь Катя в эту ночь спала у подруги в Петербурге крепким сном после дня рождения. Что телефон у неё был на беззвучном режиме, а сама она и понятия не имела, что происходит в Москве.

Не знал он и того, что человек, придумавший этот звонок, изучал его четыре месяца. Знал распорядок дня. Знал маршруты. Знал, что с дочерью отношения сложные — давно не виделись, редко звонят друг другу. Знал главное: что Андрей Викторович Лебедев при звонке от дочери не будет думать. Просто поедет.

Именно на это и был расчёт.

* * *

ГЛАВА 1. АНДРЕЙ

Андрей Викторович ехал по ночной Москве и звонил Кате.

Телефон был недоступен. Он набирал снова и снова, одним глазом следя за дорогой, другим — за навигатором, который вёл его куда-то в сторону Капотни. Промзона, склады, один фонарь на улице, асфальт с выбоинами.

«Это странный адрес», — подумал он. Но не остановился.

Родители не останавливаются. Это их главная уязвимость и главная сила одновременно.

Он припарковался у длинного серого забора. Вышел из машины. Было холодно — октябрь, влажный, с запахом горящих листьев откуда-то издалека. Фонарь мигал над головой с тихим электрическим жужжанием.

— Катя! — крикнул он негромко, чувствуя себя немного нелепо.

Тишина.

Потом из темноты рядом с машиной вырос человек. Молодой — лет двадцать восемь, не больше — в тёмной куртке с капюшоном, надвинутым на лоб. Лицо почти не видно. Руки в карманах.

— Выйдите от машины, пожалуйста, — сказал он. Вежливо. Почти буднично.

— Где моя дочь? — спросил Андрей Викторович.

— Она в порядке. Отойдите от машины.

— Кто вы такой?

— Человек, с которым вам нужно поговорить. — Пауза. — Андрей Викторович, не нужно усложнять. Отойдите от машины и послушайте, что я скажу.

То, что незнакомец знал его имя, подействовало сильнее, чем рука в кармане. Андрей Викторович отошёл.

Разговор занял ровно семнадцать минут — он потом вспомнит это, когда будет восстанавливать события по минутам. Человек в куртке говорил спокойно, без угроз в голосе, почти как менеджер на деловой встрече. Перечислял условия. Называл сумму. Объяснял, что будет, если условия не выполнить.

Видео. Снятое в гостиничном номере в Краснодаре в апреле. Андрей Викторович, незнакомая женщина, обстоятельства, которые он не хотел бы объяснять ни бывшей жене, ни детям, ни руководству компании.

— Три дня, — сказал человек в куртке. — Реквизиты придут по СМС на этот номер. — Он достал из кармана старый смартфон и положил на капот машины. — Ваш телефон, ключи и кошелёк оставьте здесь.

— Это грабёж, — сказал Андрей Викторович.

— Нет. — Человек покачал головой. — Грабёж — это когда забирают силой. Я просто прошу вас оставить вещи добровольно. Разница принципиальная, поверьте.

— А если я откажусь?

— Тогда видео уйдёт вашей дочери, бывшей жене и в отдел кадров вашей компании. Одновременно, через анонимный сервис. Сегодня ночью.

Андрей Викторович смотрел на него в темноте. Думал о Кате. О том, как они давно не разговаривали — нормально, не «привет, как дела». О том, что если она увидит...

Он оставил телефон, ключи и кошелёк на капоте.

Человек в куртке взял их, кивнул с той же вежливой деловитостью и ушёл в темноту. Через минуту за забором завелась машина и уехала.

Андрей Викторович остался один на пустой улице под мигающим фонарём. Без телефона, без денег, без ключей. В пятидесяти километрах от дома, в промзоне, которую он видит первый раз в жизни.

Он простоял так минут десять. Потом пошёл к шоссе — ловить попутку.

Домой он добрался в начале шестого утра. Попутка, потом метро, потом пешком — потому что на метро не хватило и пришлось попросить у случайного человека на станции. Тот дал, не спросив ничего. Андрей Викторович запомнил его лицо — молодой парень в наушниках — и подумал, что люди иногда лучше, чем кажется.

Дома он первым делом открыл ноутбук и написал Кате в мессенджер. «Ты в порядке?» Она ответила через час — наверное, проснулась: «Да, пап, всё норм, а что?» Он написал «Ничего, просто так» и закрыл ноутбук.

Потом долго сидел на кухне с чашкой чая, который остыл, и думал.

Три дня. Сумма, которую назвал человек в куртке, была большой — не катастрофической, но ощутимой. Андрей Викторович мог её собрать. Продать кое-что, взять из накоплений. Технически — мог.

Но он понимал, что это не конец. Первый платёж никогда не бывает последним. Это знают все, кто читал хоть одну статью про шантаж. Заплатишь — и они будут знать, что ты платишь. Значит, нужно что-то другое.

Он открыл браузер и начал искать.

* * *

ГЛАВА 2. АГЕНТСТВО «ПРАВДА»

Сайт агентства «Правда» был намеренно простым.

Никаких фотографий улыбающихся сотрудников, никаких логотипов с лупой и щитом, никаких обещаний «решить любую проблему». Белый фон, чёрный текст, телефон и одна фраза посередине страницы:

«Мы не советуем платить. Мы находим тех, кто требует».

Андрей Викторович позвонил в восемь утра.

Трубку взяли после второго гудка. Женский голос — спокойный, без приветственных интонаций call-центра.

— Слушаю.

— Мне нужна помощь, — сказал Андрей Викторович. — Меня шантажируют.

Короткая пауза.

— Приезжайте. Адрес на сайте. Я буду с десяти.

Агентство располагалось в обычном жилом доме на севере Москвы — второй этаж, домофон, никакой вывески. Только небольшая табличка рядом с дверью: «Столярова В.А., частный детектив». И всё.

Вера Алексеевна Столярова оказалась не такой, какой он её представлял.

Он ожидал кого-то резкого, с профессиональной жёсткостью во взгляде. Или наоборот — незаметного, серого, умеющего сливаться с фоном. Она была ни тем ни другим. Невысокая, крепкая, лет сорока с небольшим, с короткими тёмными волосами и манерой слушать абсолютно неподвижно — не кивая, не вставляя «угу», просто глядя на него ровным внимательным взглядом. Это было немного неудобно. Как будто она видела не только то, что он говорит, но и то, что он не говорит.

Кабинет у неё был небольшой, очень чистый. На стене — одна фотография: вид из окна на какой-то город, снятый в дождь. На столе — ноутбук, блокнот, ручка. Никаких дипломов, никаких сертификатов.

Андрей Викторович рассказал всё. Ночной звонок, промзона, человек в куртке, видео из Краснодара. Три дня до дедлайна. Она слушала, не перебивая, и делала пометки в блокноте — коротко, несколько слов на каждый факт.

— Видео существует точно? — спросила она, когда он замолчал.

— Скорее всего, да. — Он помолчал. — В апреле была командировка. Корпоратив. Женщина в баре гостиницы — она первая подошла, предложила выпить. Потом... — Он остановился.

— Потом ночь в гостинице, — сказала Вера без осуждения. Просто констатация.

— Да.

— Она была слишком инициативной?

Он поднял взгляд.

— Да. Именно так. Я тогда ещё подумал — но не придал значения.

— Значит, снимали в номере. Скрытая камера, скорее всего в каком-то предмете — часах, зарядке, детекторе дыма. Стандартная схема. — Она сделала пометку. — Платить будете?

— Нет.

— Правильно. — Она закрыла блокнот. — Первый платёж — это не решение. Это начало следующего требования. Вы это понимаете?

— Понимаю.

— Хорошо. Тогда слушайте, что мне нужно от вас.

Она говорила чётко и коротко. Список коллег, знавших о командировке. Доступ к рабочей почте за последние полгода. Все детали про женщину в баре — внешность, что говорила, как себя вела. И главное — не делать ничего самостоятельно. Не пытаться выйти на шантажистов, не предупреждать никого в офисе, не обсуждать ситуацию ни с кем.

— Почему нельзя в полицию? — спросил он.

— Можно. Но учтите: если будет уголовное дело, видео станет доказательством и будет фигурировать в материалах. То есть официально войдёт в документы, к которым имеют доступ несколько человек. — Она посмотрела на него. — Это ваш выбор, я не отговариваю. Просто факт.

Андрей Викторович кивнул.

— Сколько времени вам нужно?

— Двое суток. У вас три дня — значит, у меня двое. — Она встала, давая понять, что разговор окончен. — Мой гонорар — предоплата за первую неделю. Реквизиты пришлю. Если за двое суток не найду — верну половину.

— А если найдёте?

— Тогда будем думать, что делать дальше. — Она чуть помолчала. — Андрей Викторович, я хочу сказать вам одну вещь, которую говорю всем клиентам в похожей ситуации. Вам стыдно. Это нормально. Но стыд — не повод платить людям, которые на нём зарабатывают. Запомните это.

Он запомнил.

* * *

ГЛАВА 3. ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Вера Алексеевна Столярова ушла из уголовного розыска восемь лет назад.

Не потому что выгорела — хотя и это было. Не потому что устала — хотя и это тоже. А потому что в одном деле она приняла решение, которое казалось ей единственно верным, и оказалась права по существу, но нарушила три процессуальных нормы. Дело закрыли. Виновный вышел. А Вера написала рапорт об увольнении раньше, чем её попросили это сделать.

Бывший начальник сказал ей на прощание: «Ты слишком прямая для этой системы». Она ответила: «Я знаю». И ушла.

Первый год она работала в службе безопасности банка — скучно, чисто, хорошо платили. Потом открыла агентство. Специализация сложилась сама собой: люди, которым некуда идти с проблемой. Корпоративный шантаж, слежка, пропавшие люди, долги с угрозами. Всё то, что полиция берёт неохотно или не берёт вообще.

За восемь лет через неё прошло больше двухсот дел. Она не вела статистику успешности — это казалось ей вульгарным — но примерно помнила: большинство заканчивались хорошо. Не все. Несколько — плохо. Одно — очень плохо, и об этом она не думала никогда, если могла не думать.

Сотрудников у неё не было. Только сеть людей, которые помогали по конкретным задачам: бывший коллега в ГИБДД, женщина в паспортном столе, двое журналистов, которым она иногда давала информацию в обмен на доступ к источникам. И ещё несколько человек, которых она называла «полезными знакомыми» — без уточнений.

Жила она одна. Кот — рыжий, самоуверенный, по имени Следак — спал на её рабочем кресле и относился к клиентам с нескрываемым безразличием.

Дело Лебедева она занесла в блокнот и начала работать в тот же вечер.

Первое, что она сделала — составила список того, что знают шантажисты.

Они знали имя Лебедева. Знали, что у него есть дочь по имени Катя. Знали её голос достаточно хорошо, чтобы найти человека с похожим голосом — или использовали запись. Знали о командировке в Краснодар в апреле. Знали гостиницу. Знали, что он будет в баре один вечером в конкретный день.

Это была не случайная жертва. Это была разработка.

Значит, либо кто-то из окружения Лебедева работал на них. Либо они вели его достаточно долго, чтобы узнать всё самостоятельно. Второе требовало ресурсов и времени. Первое — было проще.

Вера открыла почту Лебедева — он дал доступ — и начала читать переписку за последние полгода. Методично, папка за папкой. Командировки, совещания, договоры, рутина большой строительной компании. Искала одно: кто знал о Краснодаре заранее.

Нашла к двум ночи.

За неделю до командировки Лебедев переслал бронь гостиницы коллеге — Сергею Плюснину, который должен был ехать вместе на подписание контракта. Потом Плюснин отказался — написал, что жена заболела, не может уехать. Лебедев поехал один.

Плуснин знал гостиницу. Знал даты. Знал, что Лебедев будет один.

Вера открыла новую страницу в блокноте и написала: «Плуснин С.»

Под этим — три вопросительных знака.

* * *

ГЛАВА 4. СЕРГЕЙ

Сергея Плюснина Вера нашла быстро — в корпоративной базе, которую Лебедев тоже предоставил.

Тридцать один год. В компании два года. До этого — небольшая строительная фирма, обанкротившаяся полтора года назад. До этого — ещё одна, история которой тоже заканчивалась мутно. Живёт один, снимает квартиру в Текстильщиках. Машина — старая «Тойота Камри».

«Тойота Камри», — отметила Вера. Она запомнила эту деталь из своего первого разговора с Лебедевым: машина, которая увезла человека в куртке, была тёмной, среднеразмерной, с характерным силуэтом.

Она попросила знакомого в ГИБДД пробить Плюснина. Ответ пришёл на следующее утро: Плюснин Сергей Олегович, тёмно-синяя «Тойота Камри» 2014 года, царапина на левом переднем крыле.

Царапина.

Именно такая была на машине с записи уличной камеры — той, которую Вера нашла накануне вечером, объездив три улицы рядом с промзоной, где оставили Лебедева.

Это ещё не доказательство. Но это — направление.

Вера решила встретиться с Плюсниным лично, не предупреждая его и не раскрывая цели.

Она знала его маршрут — Лебедев рассказал про распорядок офиса. Плюснин каждый день обедал в кафе через дорогу от работы, примерно с часу до двух. Вера пришла туда в половине первого, заняла столик у окна, заказала кофе и стала ждать.

Он появился в 13:07 — она засекла. Вошёл, огляделся привычно — быстрый взгляд по залу, ничего особенного, просто привычка человека, который всегда знает, где выход. Заказал у стойки, сел с телефоном.

Вера подошла через пять минут.

— Сергей? — сказала она, как будто узнала знакомого. — Сергей Плюснин?

Он поднял взгляд. Молодое открытое лицо, светлые волосы, приятная внешность — из тех, которым легко доверяют. Никакой настороженности при виде незнакомой женщины.

— Да, — сказал он. — А мы знакомы?

— Нет, но у нас общий знакомый. — Она села напротив, не спрашивая разрешения. — Я журналист, пишу материал про схемы в строительной отрасли. Мне вас порекомендовали как человека, который знает отрасль изнутри. Вы не против поговорить несколько минут?

Слово «журналист» работало почти всегда. Люди либо сразу закрывались, либо — чаще — расслаблялись: журналист не полиция, не налоговая, просто хочет поговорить.

Плюснин расслабился.

Он говорил охотно — про отрасль, про схемы, про «систему». Умно говорил, кстати. Андрей Викторович прав был — работник хороший. Про Лебедева упомянул мельком: «нормальный мужик, иногда жёсткий, но справедливый». Без злобы, без скрытого напряжения.

Вера слушала и наблюдала. Руки свободные. Взгляд прямой. Ест нормально.

Потом, вскользь, в середине какого-то абзаца про тендеры, она произнесла:

— Кстати, слышала про историю с командировкой в Краснодар в апреле, там что-то было интересное по контракту...

Ничего особенного в тоне. Просто ещё одна фраза в потоке разговора.

И вот тут — она увидела.

Секунда. Меньше секунды. Что-то промелькнуло в его лице и тут же исчезло — он справился мгновенно, профессионально почти. Продолжил есть, кивнул, сказал что-то нейтральное.

Но она увидела.

— Спасибо, Сергей, — сказала она, вставая. — Вы мне очень помогли.

— Удачи с материалом, — сказал он с улыбкой.

Она вышла из кафе и набрала знакомого: нужно проверить, где был Плюснин в апреле, конкретно в те дни, когда Лебедев был в Краснодаре.

Ответ пришёл через два часа.

Плюснин брал отгул на два дня. Без объяснений.

* * *

ГЛАВА 5. «ЮЛИЯ»

Параллельно с Плюсниним Вера занималась женщиной из краснодарского бара.

Лебедев описал её подробно — у него хорошая зрительная память, как у многих людей, которые привыкли работать с чертежами и документацией. Лет тридцать пять, светлые волосы ниже плеч — натуральные или хорошо крашенные. Среднего роста. Говорила без акцента, грамотно, с лёгкой иронией. Представилась Юлией. Пила белое вино. Носила кольцо на правой руке — не обручальное, просто украшение.

Вера запросила список гостей «Отеля Центральный» за ту неделю через знакомого в краснодарской полиции — небольшая услуга в обмен на информацию, которую тот давно хотел по другому делу. Список оказался большим, но после фильтрации по нужным параметрам осталось трое женщин, подходивших по описанию.

Первые две проверились быстро — реальные люди с понятными историями. Третья — некая Ирина Семёнова, московский паспорт, остановилась на одну ночь, цель визита не указана.

Вера поехала по адресу регистрации.

Дверь открыла пожилая женщина с кошкой. Никакой Юлии, никакого Краснодара — «я дальше поликлиники не хожу». Паспортные данные реального человека, использованные для чужого документа. Профессиональная работа.

Это означало, что «Юлия» — не разовый исполнитель, нанятый через объявление. Это человек с опытом, связями и доступом к качественным поддельным документам.

Вера вернулась в агентство и стала искать с другой стороны.

В базах она нашла три дела за последние пять лет с похожей схемой: скрытая съёмка в гостиничных номерах, последующий шантаж, женщина-приманка. Все три дела были закрыты за недостаточностью доказательств. В одном из них — московское дело 2021 года — в материалах было описание подозреваемой: светлые волосы, лет тридцать — тридцать пять, кольцо на правой руке.

Та же женщина. Работает минимум пять лет.

Вера выписала имя следователя по тому делу — Максим Оренбург, сейчас, по данным сайта МВД, работает в другом отделе. Позвонила ему напрямую, представилась, объяснила ситуацию.

Он помнил то дело.

— Мы её почти взяли, — сказал он. — Но документов не хватило. Жертва отказалась давать показания — заплатил и не хотел огласки. — Пауза. — Если у вас есть новый эпизод и жертва готова сотрудничать...

— Пока не знаю, — сказала Вера честно. — Но держитесь на связи.

К вечеру второго дня у неё была следующая картина.

Плюснин — внутренний источник, сливал информацию о потенциальных жертвах. «Юлия» — исполнитель, создавала компромат. Человек в куртке — тот, кто предъявлял требования. И где-то над всеми ними — организатор, которого она пока не видела.

Три дня до дедлайна Лебедева превратились в один.

* * *

ГЛАВА 6. СОРОК МИНУТ

Вера позвонила Лебедеву в одиннадцать вечера.

— Слушайте внимательно, — сказала она. — Напишите Плюснину прямо сейчас. Вот точный текст — записывайте.

Она продиктовала сообщение: намёк на то, что кто-то видел Плюснина в Краснодаре, странное совпадение, просьба объяснить.

— Зачем? — спросил Лебедев.

— Если он причастен — отреагирует. Реакция виновного человека на неожиданный вопрос всегда отличается от реакции невиновного. Пишите.

Ответ пришёл через семь минут.

«Андрей Викторович, вы о чём? Я никуда не ездил. Наверное, перепутали».

Семь минут — это быстро. Слишком быстро для человека, которому нужно вспомнить, где он был полгода назад. И формулировка «наверное, перепутали» — не «я точно не ездил», а именно «наверное перепутали» — фраза человека, который заранее продумал возможный разговор на эту тему.

— Это он, — сказала Вера. — Звоните шантажистам. Скажите, что деньги будут, но нужно ещё два часа — технические проблемы с переводом.

— А дальше?

— Дальше я поеду к Плюснину.

Она нашла его в том же кафе — видимо, это было его место по умолчанию. Сидел с телефоном, нервно, постоянно проверял экран. При её появлении дёрнулся — узнал.

Вера села напротив и положила на стол тонкую папку.

— Сергей, без предисловий. Я не журналист. Я частный детектив, работаю на Лебедева. — Она открыла папку. — Вот кадр с уличной камеры — ваша машина в районе промзоны в ту ночь. Вот совпадение дат вашего отгула с командировкой в Краснодар. Вот телефонный

контакт, который числится в вашей записной книжке и уже фигурировал в деле о вымогательстве три года назад.

Плюснин смотрел на бумаги. Лицо стало серым, как у человека, у которого внезапно заканчивается воздух.

— Этого достаточно для возбуждения дела, — продолжила Вера спокойно. — Но я здесь не с полицией. Я здесь предложить вам выбор.

— Какой выбор?

— Вы звоните сейчас тем, на кого работаете, и говорите: операция закрыта, клиент недосягаем. Видео и все копии уничтожаются. Завтра пишете заявление об уходе по собственному. — Она закрыла папку. — Взамен эта папка остаётся у меня.

— А если они не согласятся? Я не могу приказывать им.

— Это ваша проблема, Сергей. Вы взялись работать с этими людьми — значит, у вас есть рычаги. Найдите их.

Долгое молчание. За окном шёл дождь.

— Кто организатор? — спросила Вера.

— Я не знаю его настоящего имени. Только — Константин.

— Расскажите всё, что знаете.

И он рассказал.

* * *

ГЛАВА 7. КОНСТАНТИН

Схема работала три года.

Плюснин был одним из нескольких «поставщиков» — людей, работавших в компаниях или учреждениях и сливавших информацию о потенциальных жертвах. Критерии отбора жертв были чёткими: положение в обществе, что-то скрывать, семья или репутация, которую не хочется рушить. И обязательно — платёжеспособность.

Константин находил таких поставщиков сам. Приходил через общих знакомых, всегда аккуратно, всегда с правдоподобным объяснением. Плюснина нашёл через человека из его предыдущей компании — той, что обанкротилась. Плюснин тогда был в долгах, злился на систему и был готов к предложениям.

— Сколько жертв было всего? — спросила Вера.

— Через меня — четверо, считая Лебедева. У других поставщиков — не знаю. Константин не раскрывал общей картины.

— Остальные трое заплатили?

— Двое — да. Один попытался в полицию, но ничего не вышло. Они успели убрать следы.

— «Юлия» — кто она?

— Не знаю. Я с ней не пересекался. Константин говорил, что есть специалист — появляется там, где нужно, и исчезает. Я никогда её не видел.

— Где вы встречались с Константином?

— Один раз — лично. В кафе в Москва-Сити. Остальное — только через зашифрованный мессенджер. Телефон каждые два месяца менял.

— Описание.

— Лет сорок пять. Среднего роста, аккуратный, дорогой — но не вызывающе. Говорит тихо. Очень спокойный. — Плюснин помолчал. — Из тех людей, рядом с которыми чувствуешь, что они всё просчитали наперёд.

— Кафе в Сити — какое именно?

— На пятом этаже одного из башен. Там ещё вид на Москву-реку. Он всегда брал капучино без сахара. Сидел у окна.

Вера закрыла блокнот.

— Телефон Константина — последний известный вам.

Плюснин продиктовал. Добавил:

— Он уже наверняка сменил номер.

— Знаю. — Она встала. — Заявление об уходе — завтра утром. Если я ещё раз услышу о вас что-то похожее — предыдущий разговор аннулируется и папка идёт куда надо.

Она вышла под дождь и позвонила Лебедеву.

— Видео не опубликуют. Завтра Плюснин уволится.

Долгая пауза.

— Это всё?

— Для вас — да. Для меня — нет. — Она остановилась у своей машины. — Андрей Викторович, идти в полицию или нет — ваше решение. Я могу дать вам всё, что собрала. Но организатор всё ещё работает. Просто найдёт другого поставщика вместо Плюснина.

— Вы будете его искать?

— Да, — сказала Вера. — Но уже не за ваши деньги.

* * *

ГЛАВА 8. КАФЕ С ВИДОМ НА РЕКУ

Она нашла его через одиннадцать дней.

Кафе в Москва-Сити, пятый этаж, вид на Москву-реку. Вера приходила туда каждый день — в разное время, в разном виде, заказывала что-то и сидела с ноутбуком как обычный удалённый работник. На восьмой день администратор — молодая девушка, с которой Вера успела познакомиться — кивнула ей незаметно: «Пришёл».

Он сидел у окна. Капучино без сахара.

Вера видела его впервые, но узнала сразу — по тому, как он сидел. Прямо, без напряжения, с той особенной расслабленностью людей, которые привыкли контролировать пространство вокруг. Ноутбук открыт, что-то читает. Лет сорок пять, аккуратный костюм, дорогие часы — но не вызывающе дорогие. Человек, который умеет быть незаметным, когда нужно.

Она подождала ещё десять минут — просто наблюдала. Он дважды проверил телефон, один раз что-то напечатал. Никакой нервозности.

Потом подошла и села напротив.

— Меня зовут Вера Столярова, — сказала она. — Частный детектив. Вы — Константин. Мне нужно с вами поговорить.

Он поднял взгляд от ноутбука. Пауза — не испуг, просто пауза человека, который оценивает ситуацию.

— Вы ошиблись человеком.

— Нет. — Она положила на стол телефон с фотографией: кадр из записи, он и Плюснин за этим же столиком, почти год назад. — Сергей Плюснин рассказал достаточно.

Ещё одна пауза. Он посмотрел на фотографию, потом на неё. Умные глаза — она это отметила. И ещё — никакой паники. Человек, который готовился к чему-то подобному.

— Чего вы хотите?

— Список всех жертв. Способ связи с исполнителем — той, что работает под именем «Юлия». И гарантия, что операция закрыта.

— Взамен?

— Взамен у вас есть шанс закончить это самостоятельно, а не через следствие.

Он долго смотрел в окно — на город, на реку, на ноябрьское небо, серое и низкое.

— Я занимался этим три года, — сказал он наконец, тихо, почти задумчиво. — Семнадцать человек. Четырнадцать заплатили. — Пауза. — Вы знаете, что меня всегда удивляло? Как легко. Люди платили — и уходили в тишину. Никто не искал, никто не боролся. Просто платили.

— Потому что им было стыдно и страшно, — сказала Вера.

— Да. — Он посмотрел на неё. — А вы не боитесь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне нечего скрывать. — Она убрала телефон. — Список, Константин.

Настоящее его имя оказалось Виталий Борисович Краев. Бывший сотрудник службы безопасности крупного банка, уволенный четыре года назад по статье, подробности которой нигде не публиковались. Он выбрал сотрудничество сам — не потому что испугался, а потому что, как он сам объяснил следователю позже, «понял, что нашёлся человек, который не остановится».

Вера приняла это как профессиональный комплимент.

* * *

ГЛАВА 9. ПОСЛЕ

«Юлию» задержали через три недели.

Настоящее имя — Алина, тридцать два года, бывшая актриса небольшого московского театра, ушедшая из профессии восемь лет назад по причинам, о которых она не рассказывала. При обыске нашли профессиональное оборудование для скрытой съёмки, восемнадцать комплектов поддельных документов на разные имена и список из двадцати трёх городов — гостиниц, баров, дат.

Двадцать три эпизода.

Краев давал показания методично и без эмоций — следователь Оренбург, который вёл дело, сказал Вере, что такого аккуратного показаний не видел давно. Краев помнил всё: суммы, даты, имена жертв, суммы полученного.

Четырнадцать жертв. Семнадцать миллионов рублей за три года.

Вера сидела дома вечером после того, как всё закончилось, и думала об этих четырнадцати людях. Большинство из них никогда не узнают, что схема раскрыта. Что видео больше не существует. Что человек, который их шантажировал, сидит под стражей.

Потому что они не оставили адреса. Просто заплатили — и ушли.

Следак пришёл на колени и заурчал. Вера почесала его за ухом.

— Семнадцать человек, — сказала она коту. — И только один не заплатил.

Следак закрыл глаза с видом полного безразличия к статистике.

Лебедев позвонил через месяц.

— Я хотел сказать, — начал он и замолчал. Потом: — Катя приехала на прошлой неделе. Мы разговаривали. По-настоящему — первый раз за, наверное, года три.

— Это хорошо, — сказала Вера.

— Я ей не рассказал про ту ночь. Но рассказал, что понял — что мы совсем не разговариваем. Что я не знаю, как она живёт. — Пауза. — Она расплакалась. Говорит, что тоже чувствовала, но не знала, как начать.

— Иногда нужна встряска, — сказала Вера.

— Да. Странная встряска, правда. — Он усмехнулся — она услышала это в голосе. — Вера Алексеевна, скажите мне честно. Как вы это делаете? Вы занимаетесь такими историями постоянно — грязью, страхом, человеческими слабостями. Это не...

— Не разрушает? — подсказала она.

— Да.

Вера подумала.

— Разрушает иногда, — сказала она честно. — Но потом звонит такой человек, как вы, и говорит, что поговорил с дочерью. И это перевешивает.

После того как он повесил трубку, она долго сидела у окна. За стеклом шёл снег — первый настоящий, который ложится и остаётся до весны.

Она открыла ноутбук. Новый документ. Написала вверху:

«Дело № 1. Лебедев А.В.»

И на следующей строке — пустое место для следующего имени.

Потому что следующий звонок не заставит себя ждать. Он никогда не заставляет.

* * *

ЭПИЛОГ

Краев получил восемь лет.

Алина — шесть. Плюснин отделался условным сроком за сотрудничество со следствием и уехал из Москвы — куда именно, Вера не знала и не спрашивала.

Следователь Оренбург написал ей короткое сообщение после приговора: «Спасибо. Давно хотел закрыть то дело 2021 года». Вера ответила: «Взаимно».

Четырнадцать жертв, которые заплатили и молчали, получили письма — анонимные, через адвоката — с одним сообщением: компрометирующие материалы уничтожены в ходе следственных действий, копий нет, дальнейшего использования не будет. Семеро ответили на адрес адвоката — с благодарностью. Остальные промолчали. Это тоже был ответ.

Вера повесила в кабинете рядом с фотографией дождливого города ещё один листок — просто белый лист с одной цифрой: 17.

Столько человек попало в схему.

Следак смотрел на листок с кресла и явно не понимал, зачем вешать на стену белую бумагу с цифрой. Но Вера понимала.

Это была не память о деле.

Это было напоминание о том, что где-то прямо сейчас кто-то выбирает: заплатить и молчать — или позвонить.

И что один звонок иногда меняет всё.

* * *

ГЛАВА 10. ПРОШЛОЕ ВЕРЫ

Восемь лет назад дело называлось «Дело Харитонов».

Вера тогда работала в отделе по тяжким преступлениям уже шесть лет и считалась одним из лучших следователей отдела — не потому что была быстрее или умнее других, а потому что умела ждать. Большинство следователей давили на подозреваемых, торопились закрыть дело, двигались вперёд. Вера умела останавливаться и смотреть назад — на то, что уже произошло, на детали, которые не сходились.

Харитонов Геннадий Павлович — пятьдесят восемь лет, уважаемый человек, заместитель директора крупного завода, депутат местного совета, попечитель детского дома. Именно попечитель детского дома — это Вера узнала на третий день расследования, и именно это не давало ей покоя.

Дело началось с заявления. Молодая женщина — двадцать три года, работала секретарём в заводской администрации — пришла в отдел и сказала, что Харитонов на протяжении двух лет принуждал её к отношениям, угрожая увольнением и проблемами для её семьи. Потом добавила — почти шёпотом, глядя в стол — что она не одна такая. Что знает ещё двух женщин, которые боятся говорить.

Вера занялась делом.

Харитонов был влиятельным. Адвокаты у него были дорогие — из тех, что умеют затягивать дело до бесконечности процессуальными возражениями. Свидетели начали отказываться от показаний одна за другой — не потому что лгали раньше, а потому что им звонили, намекали, объясняли. Одной предложили повышение. Другой — проблемы с арендой квартиры, которую снимала. Третьей пришло анонимное письмо про брата, у которого был условный срок.

Заявительница держалась. Но её показания одной было недостаточно.

На четвёртой неделе расследования Вера нашла то, что искала: финансовые документы, которые указывали на то, что Харитонов использовал попечительский фонд детского дома для личных нужд. Не по делу об изнасиловании — побочный след, который она заметила случайно, проверяя его связи. Документы лежали у бухгалтера фонда — женщины, которая сама боялась, но ненавидела Харитонova ещё больше, чем боялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.